

Сердце Чи Цзиньсяня колотилось так гулко, словно готово было выпрыгнуть из груди. Такой сумасшедший восторг не выбила бы даже ядерная бомба, сброшенная Межзвёздным Альянсом на базу космических пиратов.

Да, конечно, ужасно глупо и совершенно несерьёзно с его стороны — но о боги, как же он был счастлив!

О нём поинтересовались! Сам Лу Чжи проявил заботу! Земля уходила у Чи Цзиньсяня из-под ног. Состряпав абсолютно блаженную мину, он затворил за собой дверь и буквально поплыл в гостиную.

Юань Сыбай как раз готовил на кухне выпечку. Услышав шорох, он обернулся и застал картину: сын крутанул портфель за лямку вокруг запястья, ловко швырнул его на диван, а сам устался в экран коммуникатора так, будто намертво к нему прилип.

Подскочив, Цзиньсянь ласточкой взмыл в воздух и плюхнулся на соседнюю кушетку.

Мягкие подушки пару раз отрикошетили под его весом, а сдержанная улыбка на лице моментально расплылась до ушей.

Лёжа на спине и держа коммуникатор над собой, он с бешеной скоростью строчил ответ. Было очевидно — парень кому-то пишет.

—... Он что, свихнулся?

На лестнице второго этажа показалась фигура. Скрестив руки на перилах, человек созерцал происходящее снизу с выражением глубокой озадаченности.

Чи Суй учуял в доме аппетитный запах десертов — аккурат тех, что обожал его мелкий. Полагая, что оболтус ещё не вернулся, глава семейства выбрался из кабинета с твёрдым намерением умыкнуть пару штук прямо из-под носа у сына, исключительно ради «дегустации». Кто ж знал, что это маленькое наказание уже дома, да ещё и бьётся в тихом помешательстве.

На миг Чи Суй даже усомнился в собственном рассудке: неужели его коварные замыслы стянуть выпечку как-то материализовались и довели предка рода — сиречь сынка — до приступа? От греха подальше отец замер на месте, не смея сделать и шага вниз.

— Понятия не имею, — сполоснув руки, Юань Сыбай с обеспокоенным видом вышел из кухни.
— Спустись, Чи Суй. Посмотри, не плохо ли ему. Он ведь только сегодня из больницы.

Напоминание мгновенно сбило с него спесь. Сообразив, что парень и впрямь мог занедужить, Чи Суй сбросил оцепенение и, загребая домашними тапочками, поспешил вниз.

Краем уха услышав этот странный диалог, Чи Цзиньсянь с трудом оторвал взгляд от переписки. До него с задержкой дошло, куда вильнула родительская фантазия. Стоило отцовской ладони приблизиться к его лбу, как парень «воспрянул из смертного одра» — рывком сел, увернувшись от загребущей лапы, и замахал руками:

— Да здоров я, здоров! Ничем я не болен, просто переписываюсь!

Вскочив, он обнял Юань Сыбая, успокаивая:

— Младший папа, ну как ты мог подумать, что я заболел? Вовсе нет!

Шутливо попеняв ему, Цзиньсянь тут же повернулся к Чи Сую:

— И ты туда же! Взял и поверил, даже порассуждать не попытался.

Юань Сыбай онемел.

Чи Суй подарка тоже не оценил.

Вся отцовская забота улетела в трубу, а взамен ему ещё и поканифолили мозги. Чи Суй издал сухой смешок, убрал руку и развернулся к кухне. Надев прихватки, он с абсолютно чистой совестью вытащил из духового шкафа противень с десертом, намереваясь без зазрения совести объесть собственного ребёнка.

— О как? Переписываешься? И с кем же? — Он поманил Юань Сыбая, пообмахивал свежую выпечку, чтобы слегка остудить, и поднёс один кусочек к губам мужа. А сам, не умолкая, бросил сыну: — С этим... как его... Лу Чжи?

— Откуда ты знаешь?! — Цзиньсянь мгновенно прижал коммуникатор к груди и с подозрением уставился на отца.

Юань Сыбай кормить себя не дался: поджав губы, он смущённо кашлянул, уклонился, забрал лакомство пальцами и пошёл к сыну:

— Ань-Ань, держи.

— Цыц, — недовольно поморщился Чи Суй. Мелкий паршивец явно оттягивал на себя всё внимание. — Спрашиваешь, откуда я знаю? — Старший Чи одарил его ледяным, обещающим неприятности взглядом. — Совесть-то есть такое спрашивать? Напомнить, по какому поводу меня вызвали в школу на первой же торжественной линейке в старших классах?

Чи Цзиньсянь прикусил язык.

— Думал, ты в Первой старшей школе Межзвёздного Альянса тише воды, ниже травы сидишь?

Цзиньсянь замялся, отводя глаза. Спорить с отцом сейчас было себе дороже.

— Скажи спасибо, что учишься без троек и ничего совсем уж дикого не вытворяешь. Мы с твоим младшим папой не любим закручивать гайки, но поверь: ещё шаг в сторону — и ты бы у меня отгрёб по полной.

Когда Чи Суй включал «строного отца», спорить с ним не взялся бы ни один сумасшедший. Острые, хищные черты лица и тяжёлый взгляд мгновенно внушали невольный трепет.

Цзиньсянь, всё же не успевший окончательно повзрослеть, вжал голову в плечи. Страх перед отцовским гневом сработал мгновенно. Он робко схватил Юань Сыбая за край рубашки и едва слышно пролепетал:

—... Младший папа.

— Кхм, — Юань Сыбай бросил на мужа спокойный, но более чем прозрачный взгляд. Предупреждение сработало бесперебойно.

Чи Суй чуть не поперхнулся куском десерта. Сдержав кашель, он судорожно схватил стакан и в несколько глотков осушил его наполовину. Спрятав поллица за стеклом, он виновато улыбнулся супругу. Юань Сыбай отвёл взгляд и слегка покраснел, потирая мочку уха.

Убедившись, что буря миновала, Чи Суй поставил стакан на стол и сменил гнев на милость, вернувшись к воспитанию:

— А ну-ка, сынок, повтори своё имя. Вслух. Вторую часть, иероглиф «Цзинь». Помнишь, что он означает?

— Помню, конечно, — кивнул Цзиньсянь.

— А слово «сдержанность» напишешь?

Цзиньсянь промолчал.

— Мы с твоим младшим папой с малых лет твердили тебе: будь скромнее, не выпячивай себя, держись с достоинством. — Чи Суй вернул кухонные рукавицы на место и тыкнул пальцем в сторону сына. — А ты? На словах поддакивал, а сам выскочил перед человеком и вывалил: «Ты

мне нравишься!». И до сих пор каждый божий день носишь ему розы с любовными записками!

— Какая ещё сдержанность? Вы же меня вообще ради денег так называли! — Цзиньсянь сгорал от стыда, но не удержался от бурканья себе под нос: — Чи Цзиньсянь... «Кэш-Пул»! Идеальное имя. Меня друзья до сих пор Сяо Сяньцзинем кличут...

Замявшись, он тихо-тихо добавил:

— Пап, а про розы ты откуда узнал?

Нависла зловещая пауза. Едва Цзиньсянь заподозрил неладное и осторожно поднял глаза, как тяжёлая отцовская пятерня опустилась ему на макушку и безапелляционно придавила к полу.

— А ты не заметил, что у меня в саду скоро ни одного куста не останется?! — сквозь зубы процедил Чи Суй. — Думал, я не вижу, как ты каждое утро там шныряешь?

Цзиньсянь лишился дара речи.

— Это мои цветы! Мои!

Юань Сыбай тихо засомневался в серьёзности момента и фыркнул.

Наведя на голове сына полный кошмар и превратив аккуратную причёску в воронье гнездо, Чи Суй продолжил ворчать:

— Какой ещё «Кэш-Пул»?! Мне что, твоих грошей не хватает? Наказание ты моё, а не богатство.

На сей раз щёки Цзиньсяня вспыхнули по-настоящему. Застонав от смущения, он уткнулся ладонями в лицо, отказываясь смотреть на родителя.

Но постой... Если отцу известно про розы, значит, о Лу Чжи он тоже прекрасно знает. Так зачем тогда вчера позвал его на банкет?! Ведь до совершеннолетия сына их семья принципиально не раскрывала его личность общественности!

Цзиньсянь вскинул голову:

— Вчера на празднике младший папа сказал, что гостей позвали ради знакомства — дядь, тётъ и моих сверстников... Но из сверстников там был только Лу Чжи! — Лицо Цзиньсяня вытянулось от подозрения. — Папа, ты это специально провернул?

Чи Суй изогнул бровь:

— Угу.

— В смы-ы-ысле?! — Цзиньсянь выделил голосом интонацию, едва не уперев руки в боки.

— Зачем?!

Из-за этой выходки он чуть не лишился обедов рядом с Лу Чжи! Отец просто непередаваем.

Впрочем... тяжёлый камень, давивший на грудь из-за лжи об их «бедности», наконец-то скатился с души. Опасаться разоблачения больше не требовалось.

— Хотел своими глазами увидеть, что за «небожителя» ты там окучиваешь, — буркнул Чи Суй.

В его голосе сквозила ядовитая ирония. В конце концов, ни один родитель не обрадуется, глядя, как его сокровище вот-вот сбежит с кем-то на край света.

— Ань-Ань, ты ещё совсем юн, — Юань Сыбай поднял сына с пола и бережно расправил складки на его одежде. — Но любовь... Не узнав юношеского пыла, в будущем ты можешь пожалеть. Мы с отцом не хотели, чтобы ты слишком рано окунался в эти чувства, но, видя твоё благоразумие, не стали чинить препятствий. Жёсткий запрет лишь подтолкнул бы тебя к бунту. Мы спокойны за тебя, потому что с самого детства ты умел относиться ко всему проще и смотреть на вещи с оптимизмом. Надеемся, и в чувствах ты останешься верным себе.

Цзиньсянь слушал очень внимательно, хоть и не до конца понимал глубину сказанного. Ему оставалось лишь кивать:

— Ага...

Упрямства и целеустремлённости ему было не занимать. Два года смотреть только на одного Лу Чжи — лучшее тому доказательство.

Но у него имелось бесценное качество, о котором многие могли лишь мечтать: потрясающий, почти наивный оптимизм. Кто-то назвал бы это глупостью, но именно эта черта берегла его сердце.

Юань Сыбай хотел, чтобы сын познал жизнь во всей её полноте — со взлётами и падениями. Прежде он молчал об этом, но, увидав Лу Чжи на банкете...

— Ань-Ань, — тихо произнёс он. — Альфа и Бета...

— Третий брат! Брат Юань! Ань! — дверь в гостиную со скрежетом распахнулась, и на пороге возник незванный гость. Ци Суйи, сгибаясь под тяжестью огромного рюкзака с вещами, влетел в дом вихрем радости. По его довольной физиономии казалось, будто он приехал не на пару дней, а насовсем.

Юань Сыбай опешил и удивлённо хлопнул глазами:

— Сяо Суй? Отец разрешил тебе пожить у нас?

— Э-э? — Ци Суйи почесал затылок. — А Ань вам ничего не сказал?

Он тут же выложил, что останется здесь до самого понедельника. Чи Суй скрипнул зубами от перспективы заполучить ещё одного оболтуса в дом. Юань Сыбай же лишь с улыбкой качнул головой:

— Ладно, идите с Ань-Анем к себе. Ужин пока не готов.

— Есть! — радостно гаркнул Ци Суйи, загрёб Цзиньсяня за шею и потащил на второй этаж.

— Иди в свою комнату и разбирай вещи! — ехидно указал ему на соседнюю дверь Цзиньсянь, едва они поднялись.

Комната Ци Суйи всегда стояла наготове, интерьер там не меняли годами.

— А в детстве мы постоянно спали в одной спальне! — паясничая, напомнил гость.

— Брысь, — огрызнулся Цзиньсянь.

— Фыр-р! — Ци Суйи зашагал к себе. Лишь бы не сидеть дома за учебниками — он был согласен даже на голый пол.

Едва с гостем было покончено, Цзиньсянь юркнул в свою спальню, запер дверь, скинул обувь и разом запрыгнул на кровать.

Растянувшись на животе, он открыл коммуникатор. На экране висели два новых сообщения от Лу Чжи:

Лу Чжи: [Ты испугался, увидев меня вчера на твоём дне рождения.]

Лу Чжи: [И какая тут связь с больницей?]

В этот момент Лу Чжи сидел у себя в комнате за рабочим столом. Коммуникатор хранил молчание. Его брови едва заметно сошлись к переносице; парень почувствовал нарастающий зуд беспокойства, словно стул под ним вдруг стал невыносимо жёстким.

Он ритмично постукивал пальцами по столешнице, но этот звук лишь подогревал глухое раздражение. В глазах белёсыми вспышками разгоралась опасная, хаотичная злоба. Взор сам собой соскользнул в угол стола, где стоял безмянный белый пузырёк.

З-з-з...

Короткий вибросигнал заставил его вздрогнуть. Взгляд моментально переметнулся на экран, а хмурая складка меж бровей разгладилась сама собой — Лу Чжи даже не заметил этого.

А на другом конце города Чи Цзиньсянь кувыркался на кровати, с чувством набивая целую тираду. И сочинение его выходило... до абсурда искренним и эмоциональным.

Кэш-Пул: [Во-первых, брат Лу, я глубоко раскаиваюсь и прошу прощения за то, что соврал, будто наша семья бедствует. Я поступил ужасно! Но ведь семейные деньги — не мои, так что сам по себе я всё равно беден как церковная мышь. Во-вторых, увидев тебя вчера, я перепугался: с одной стороны, боялся, что ты разозлишься, с другой — переживал, что больше никогда не смогу с тобой обедать! Выходит, я и любимого человека утешить не могу, и с голоду опухну. От страха и горя я не спал всю ночь, а в обед у меня чуть пузырёк не лопнул. Вот организм и дал сбой! Врач сказал, это от переживаний. Лечится только одним: мне жизненно необходимо каждый день обедать с тобой.]

Набирая текст, Цзиньсянь тихо проговаривал слова вслух, придавая голосу самый жалобный, незащищённый и искренний тон. Он и сам почти поверил в эту трогательную историю.

Ответ пришёл лишь через полчаса.

Лу Чжи: [... Ну и чушь.]

За этими короткими словами без труда угадывалось выразительное скептическое лицо собеседника.

Цзиньсянь захохотал и, завалившись на бок, выдал целый каскад признаний в любви.

На этот раз Лу Чжи его попросту проигнорировал.

На следующий день Цзиньсянь отправился с Юань Сыбаем в Больницу Альянса за результатами анализов. Как и два прошлых раза, заключение оказалось неизменным:

«Показатели в норме, патологий не выявлено».

И никакой вторичной дифференциации.

В понедельник утром Цзиньсянь уже не таился. Выйдя в сад, он совершенно открыто срезал самую пышную огненно-красную розу — всё равно отец был в курсе его утренних рейдов. Бережно упаковав цветок, он отправился на занятия.

Ещё один день, когда он увидит брата Лу! Настроение стремилось к небесам.

Лу Чжи сегодня задерживался и появился в классе всего за десять минут до звонка.

Едва скрипнула задняя дверь, Цзиньсянь тут же развернулся и поставил перед соседом бутылочку:

— Доброе утро, брат Лу! Твоё молоко.

Лу Чжи мазнул взглядом по бутылке, но прикоснуться не стал. Вместо этого, задерживая пытавшегося повернуться парня, он двумя пальцами пододвинул к нему пластиковую карточку.

Цзиньсянь замер и опустил глаза.

Это была карточка для столовой — та самая, что в прошлую пятницу Лу Чжи швырнул ему прямо в грудь.

Его личный пропуск.

Цзиньсянь недоумённо вскинул взор, хлопая ресницами. В его чистых, искрящихся глазах сквозило растерянное оленье любопытство.

Как и тогда, Лу Чжи лёгким щелчком прижал карточку к его ключице. Опустив веки, он небрежно бросил:

— Начиная с сегодняшнего дня обеды покупаешь ты.

<http://bllate.org/book/19561/1933827>